

Они были слишком близко друг к другу.

Е Чжицю чувствовал слабый аромат духов, исходящий от Цинь Цзяньхэ. Это был очень легкий древесный шлейф, едва уловимый, но в такую холодную зимнюю ночь он казался довольно теплым.

Е Чжицю отстранился и невольно коснулся уха. Под черными прядями волос его маленькие, изящные мочки ушей блестели.

— На самом деле я не злюсь, — сказал Е Чжицю, наклонив голову и пристегнув ремень безопасности. — Господин Цинь, вам не нужно меня успокаивать.

Он внезапно улыбнулся и, посмотрев на Цинь Цзяньхэ, сказал с насмешкой и удивлением в голосе:

— Не ожидал, что господин Цинь умеет успокаивать людей.

— Да — Цинь Цзяньхэ поднял руку и пригладил несколько выбившихся прядей волос на затылке Е Чжицю, слегка надавив на них.

— Но это все, что я умею, — сказал он. — В остальном я буду полагаться на учителя Е.

Е Чжицю усмехнулся. В тот день он просто пошутил. Честно говоря, разве у такого человека, как Цинь Цзяньхэ, могут быть проблемы в любви?

Если бы он захотел, не знаю, сколько людей набросилось бы на него. Ему просто нужно было расслабиться и получать удовольствие. Этот человек просто вредничал, дразнил его.

Е Чжицю не стал раскрывать его игру, он достал телефон и разблокировал его:

— Ладно, но это зависит от того, как ты себя проявишь.

— Что для Учителя Е считается хорошим поведением? — спросил Цинь Цзяньхэ.

— По крайней мере, не стоит намеренно провоцировать меня, как ты только что сделал, — сказал Е Чжицю.

— Разве ты только что не сказал, что не злишься? — Цинь Цзяньхэ рассмеялся. — Успокоить тебя еще раз?

— Нет, — Е Чжицю листал экран телефона и улыбался, а через некоторое время добавил: — Но

я действительно не злюсь, ведь ты не сказал ничего неправдивого, меня действительно не любят дома.

Его тон был спокойным и безразличным, Цинь Цзяньхэ невольно взглянул на него. Е Чжицю держал телефон и печатал, его лицо было спокойным и равнодушным.

— Тогда мы с тобой немного похожи, — сказал Цинь Цзяньхэ, заводя машину.

— Когда мой отец бил меня, — Е Чжицю выключил экран телефона и посмотрел на Цинь Цзяньхэ, — я действительно представлял твоего отца в больничной палате.

— Однако мы с тобой все же разные, — продолжил Е Чжицю. — У тебя хотя бы есть мама, дедушка, по крайней мере, рядом есть люди, которые тебя любят.

Хотя их семьи нельзя было назвать счастливыми, между Цинь Цзяньхэ и ним все же была существенная разница.

После развода родителей Цинь Цзяньхэ решил остаться с матерью, поэтому, строго говоря, он вырос в доме бабушки. Поэтому, даже если родственные чувства между ним и Цинь Сюйшэном были слабыми, даже если Цинь Сюйшэн больше любил младшего сына, или даже если мачеха и младший брат считали его бельмом на глазу... это никак не влияло на то, что рядом с ним были любящие бабушка и мама. По крайней мере, он мог расти под их нормальным воспитанием. Не так, как Е Чжицю.

Еще младенцем, чистым листом, Е Хунсянь отдал его в руки Тао Жоцин. Поэтому его взгляды, его мысли, первое зерно, посеянное в его сознании, — все это исходило от Тао Жоцин. Каждый штрих на этом чистом листе был нарисован рукой Тао Жоцин. Она выборочно блокировала часть информации, заставляя его с первых шагов идти по пути, с которого нет возврата.

Он бежал по этой дороге сломя голову, а самый близкий ему человек всегда мягко подбадривал, говоря, что это правильно, и что он может бежать еще быстрее...

У него не было ни малейшего шанса вырваться из оков мышления, которые были навязаны ему с младенчества и глубоко укоренились в его сознании. Словно марионетка, он следовал чужим указаниям, проживая свою смешную и жалкую жизнь.

Е Чжицю на самом деле не был глупым, он был даже умнее большинства людей. Но в прошлой жизни ему все равно потребовалось десять лет страданий, чтобы в конце концов возродиться из пепла. Поэтому сегодня, поэтому сейчас у него есть возможность сидеть в машине Цинь Цзяньхэ и разговаривать с ним вот так.

— А ты? — спросил Цинь Цзяньхэ после минутного молчания в салоне. — Тебя никто не любит?

Услышав это, Е Чжицю усмехнулся, не соглашаясь и не отрицая.

— Ничего страшного, — Цинь Цзяньхэ, невероятно умный человек, говорил все так же спокойно, но его слова были полны заботы. — Даже если сейчас тебя никто не любит, в будущем ты обязательно встретишь того, кто будет любить тебя очень сильно.

В салоне витал легкий древесный аромат. Такой был шлейф духов — легкий, ненавязчивый, но вызывающий невольную симпатию и чувство покоя.

Некоторое время в воздухе царила тишина, нарушаемая лишь мельканием пятен света от уличных фонарей и редким звуком навигатора.

— Ты виделся с учителем Чжан? — спросил Е Чжицю.

— Да, в детстве я часто виделся с ним, — ответил Цинь Цзяньхэ. — После того, как начал работать, стал занятым, и, естественно, сейчас видимся реже. Но моя мама и остальные каждый год собираются вместе.

Услышав это, глаза Е Чжицю невольно заблестели. Он искренне вздохнул:

— Как же я тебе завидую.

— Чему ты завидуешь? — спросил Цинь Цзяньхэ.

— Возможности быть свидетелем дружбы двух титанов мира моды, — ответил Е Чжицю. — И одна из них — твоя мама.

Тут он словно что-то вспомнил и слегка улыбнулся.

— Знаешь, — сказал он, сегодня он был на удивление разговорчив, — моя мама тоже когда-то изучала дизайн одежды. Когда я только родился, все мои детские вещи и слюнявчики она сшила своими руками.

— Поэтому ты выбрал эту профессию? — ненавязчиво спросил Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю покачал головой, не желая продолжать эту тему.

— Иногда я не могу не думать, — Е Чжицю продолжал улыбаться, — что, если бы моя мама не вышла замуж сразу после выпуска, а как большинство людей, начала работать в любимой сфере и добилась успеха, у нее был бы шанс стать таким же известным дизайнером, как госпожа Не.

Не зависеть ни от кого, иметь свой собственный мир и уверенность в себе...

Может быть, все было бы по-другому?

У него была бы мама, которая учила и поддерживала бы его, он жил бы самой обычной жизнью. И он был бы счастлив.

— Был бы, — сказал Цинь Цзяньхэ. — Но, учитывая твой выдающийся талант, думаю, ее сожаления уже давно развеялись.

Е Чжицю больше ничего не сказал и отвернулся к окну.

Свет уличных фонарей, проникающий в салон, то появлялся, то исчезал, падая на его израненное лицо, словно чья-то кисть случайно упала, оставив после себя беспорядочные и мрачные мазки.

Уголки его губ слегка приподнялись, но в уголках глаз, скрытых в тени, появилась едва заметная влага. Фраза, которую только что произнес Цинь Цзяньхэ, была, пожалуй, самой успокаивающей за все эти годы, как для него, так и для Лань Хуа.

Е Чжицю никогда сильно не винил себя в смерти Лань Юэ. Он прекрасно понимал, что в то время он был еще младенцем и ничего не мог сделать, никак не мог повлиять на ситуацию. Но это не мешало ему иногда думать: а что, если... Если бы он никогда не родился, была бы у Лань Юэ совсем другая жизнь и другая судьба?

Это было воображаемое сожаление, поскольку оно не существовало в реальности, его невозможно было восполнить.

Но в этот момент он вдруг почувствовал, что все это больше не имеет значения.

Возможно, Цинь Цзяньхэ прав: Лань Юэ никогда ни о чем не сожалела, сожалел всегда только он сам.

Машина ехала вперед, пока не въехала в новый жилой комплекс недалеко от института искусств и не остановилась перед высотным зданием посередине.

— Приехали, — сказал Цинь Цзяньхэ, отстегивая ремень безопасности.

Он вышел из машины, чтобы достать из багажника подарки для Чжан Вэньюаня и его жены. Е Чжицю тоже быстро привел себя в порядок и, взяв подарочную коробку у своих ног, вышел из машины.

— Не нервничай, — сказал Цинь Цзяньхэ, взглянув на Е Чжицю, когда они зашли в лифт. — Учитель Чжан и его жена очень доброжелательные люди.

— Хорошо. — Е Чжицю кивнул.

Академия искусств находилась недалеко от Института моды, этот жилой комплекс располагался как раз между ними.

— Этот жилой комплекс недавно построили? — задумался Е Чжицю. — Кажется, я видел его раньше, когда проходил мимо с Шаоцзюнем.

— Да, — кивнул Цинь Цзяньхэ. — Учитель Чжан с женой отдали свою старую квартиру дочери и купили здесь небольшую, чтобы провести старость.

Е Чжицю кивнул, ничего не говоря.

Лифт остановился на седьмом этаже. Цинь Цзяньхэ шел впереди, Е Чжицю — следом за ним. Они подошли к квартире 701, Цинь Цзяньхэ нажал на кнопку звонка.

Дверь быстро открылась, и на пороге появился сам Чжан Вэньюань.

— Сяо Юй пришел, — улыбнулся он.

Хотя ему было уже за шестьдесят, Чжан Вэньюань всё ещё держался прямо, словно стройный бамбук.

— Твоя тетя Вэнь уже несколько раз спрашивала о тебе. Если бы ты не пришел, она бы заставила меня позвонить и поторопить.

Цинь Цзяньхэ слегка улыбнулся, посмотрев на Е Чжицю.

— Дядя Чжан, — он притянул Е Чжицю к себе, — это Сяо Е, о котором говорила моя мама, Е Чжицю.

— Заходите, заходите, — в Чжан Вэньюане чувствовалась интеллигентность, чем-то он напоминал Лань Хуа. При виде него легкое напряжение Е Чжицю тут же рассеялось.

— Учитель Чжан, здравствуйте, — улыбнулся он, глаза его изогнулись.

— Лао Чжан, это Сяо Юй пришел? — из-за двери послышался нежный женский голос.

— Тетя Вэнь, это я, — Цинь Цзяньхэ взял Е Чжицю за запястье и вошел вместе с Чжан Вэньюанем.

— Садитесь, садитесь, — Вэнь Юань сначала поздоровалась с Цинь Цзяньхэ, затем с улыбкой посмотрела на Е Чжицю. — Что с твоим лицом? Ты обработал рану?

— Вчера дома мне приложили лед и намазали маслом красного цветка, — послушно ответил Е Чжицю.

Вэнь Юань ушла и вскоре вернулась с аптечкой.

— Вчера — это вчера, сегодня тоже нужно обработать, — мягко сказала она. — Иначе когда оно заживет? Такой красивый мальчик, будет жаль, если на лице останется шрам.

— Давайте я, тетя, — Цинь Цзяньхэ встал и взял аптечку.

— У меня осталось ещё два блюда, вы пока поболтайте с Лао Чжаном, — Вэнь Юань направилась на кухню, не забыв добавить: — Сяо Юй, будь поаккуратнее, чтобы ему не было больно.

— Хорошо, — ответил Цинь Цзяньхэ.

— Сначала обработай рану, — сказал Чжан Вэньюань. — А я схожу в кабинет за учебниками для начинающих.

<http://bllate.org/book/14243/1258035>